

Зурбашева Ю.К. (Екатеринбург, УрГПУ)

***Взрослые и дети в современной детской литературе:
кто старше?***

Аннотация. Статья посвящена вопросу изучения возрастных перекодировок в детской литературе. Особое внимание уделено современной отечественной литературе о детях. На примере трех произведений современной литературы для подростков рассмотрены художественные способы создания образов «взрослых» детей и «инфантильных» взрослых, а также истоки функции возрастных перекодировок.

Ключевые слова: возрастные перекодировки; детская литература; преждевременное взросление; инфантильность взрослых; переосмысление возрастных ролей.

Zurbasheva Ju.K. (Ekaterinburg, USPU)

Adults and children in modern children's literature: who is older?

Abstract. This article is devoted to the issue of study of age changes in children's literature. Particular attention is paid to the modern domestic literature on children. Using the example of three books of modern literature for teenagers, artistic ways of creating images of “adult” children and “infantile” adults, as well as the origins of the function of age changes.

Keywords: age transcoding; children's literature; premature growth; infantile adult; rethinking age roles.

В современной детской литературе наблюдается переосмысление возрастных ролей. Воплощается это в том, что детям оказываются приписаны те внешние характеристики, а также личностные качества и поступки, которые свойственны взрослым людям; и наоборот – взрослые ведут себя совсем как дети, отказываясь от адекватного своему возрасту поведения.

Одна из ключевых статей, фиксирующих эту особенность современной детской литературы, – статья Вероники Юрьевны Чарской-Бойко. В своей статье ученый прослеживает историче-

ские изменения понимания категории детства, рассматривает характерную для современной европейской литературы смену возрастных ролей. В тексте затронуты проблемы кризиса и исчезновения детства, особое внимание уделено стиранию границ между детством и взрослостью и, соответственно, слиянию или взаимовытеснению детского и взрослого миров. В работе этого исследователя возрастные несоответствия рассматриваются преимущественно на примере зарубежной детской литературы [Чарская-Бойко, 2018, с. 113-122]. Мы же уделим особое внимание современной отечественной детской литературе, в которой предложены случаи намеренно акцентированной взрослости ребенка или ужасающей инфантильности взрослого.

Преждевременное взросление – один из наиболее адаптивных ответов ребенка на недостаток безопасности, внимания, заботы и эмпатии. Примечательно, что одни юные герои сознательно желают выглядеть взрослее – других же вынуждают к принятию сложных решений острые жизненные ситуации, в которых ребёнок отнюдь не должен был оказаться. Дети вынуждены повзрослеть по-настоящему в силу определённых психологических потрясений, виной которым нередко являются сами взрослые (творческие, потерянные, равнодушные, занятые, отсутствующие...). По наблюдениям Чарской-Бойко, книги, герои которых меняются возрастными ролями, часто затрагивают остросоциальные темы, – такие, как сиротство, семейное неблагополучие, бедность и т. п. [Чарская-Бойко, 2018, с. 116]. Именно так происходит в книге Дины Сабитовой «Где нет зимы» [Сабитова, 2013]. Сильное психологическое потрясение, связанное со смертью бабушки, исчезновением матери и неизбежным лишением родного дома, воздействуют на ребёнка. Необходимость решения сложнейших жизненных вопросов обрушивается на тринадцатилетнего Павла, который после смерти бабушки (странноватой старушки по имени Шура) и загадочного исчезновения (а затем не менее загадочной смерти) матери вынужден искать пути выживания для себя и сестры при почти абсолютном отсутствии денег. Усугубляется положение тем, что ему приходится быть для младшей сестры не братом, а заместителем родителей.

«Взрослость» Павла акцентирована в разных элементах художественной структуры повести:

Во-первых, *главки*, в которых повествование ведётся от лица мальчика, названы не «Паша», а «Павел». Другие герои тоже крайне редко зовут ребёнка Пашей, всюду на страницах встречается упоминание полного имени [Сабитова, 2013, с. 18].

Во-вторых, взрослость акцентирована в *характеристиках, которые дают Павлу другие герои*: «какой-то хмурый», «уже взрослый», «мы с Мишей...как закричим... А Паша только головой кивнул» и т. п. [Сабитова, 2013, с. 130].

В-третьих, *рассуждения* мальчика о жизни поражают своей серьёзностью и деловитостью: «Я никому не расскажу, о чём тогда думал. Это не те мысли, которыми стоит делиться». Особенно сложны рассуждения в момент поиска отцов детей, в ситуации общения с ними и отказа от собственного благополучия, в связи с переживаниями за замыкающуюся и уходящую от реальности сестру. Речь Павла лаконична, на вопросы взрослых он отвечает исключительно без оправданий и какой-либо детской робости: «— Мира Александровна, моя главная цель в жизни сейчас – вернуться домой», «Вот об этом не волнуйтесь». Нередко слова мальчика и вовсе не звучат, читатель встречается на страницах повести лишь «мудрое молчание» [Сабитова, 2013, с. 110, 113].

В-четвертых, *поступки* Павла заслуживают отдельного внимания. Он проявляет особую вдумчивость при распределении ресурсов и сбережений, которые остались у осиротевших детей, грамотно и тактично беседует со старшими, проявляет недетскую заботу о младшей сестре [Сабитова, 2013, с. 18].

Кроме того, *отношение взрослых людей к Павлу и несоответствию его психологического возраста реальному* (Павлу 13 лет) весьма интересно: например, Мира Александровна нередко ругает мальчика: «Тебе, Паша, будто не тринадцать лет, а сто тринадцать», «Павел, сколько можно?», «Это неестественно в твоём возрасте! Тебе 13 лет! Ты должен прогуливать уроки, пытаться тайком курить за школой, хамить взрослым, раскидывать по дому грязные носки...», «Да перестань ты изображать из себя всехнего папу! Хватит! Взрослая тут я! Я за всё отвечаю!» «Вот откуда у тебя такой снобизм, Паша?» и т. п. Аналогичным образом мать одноклассницы при телефонном разговоре с Павлом произносит: «Минуточку, молодой человек», словно обращаясь не к ребёнку вовсе [Сабитова, 2013, с. 142, 143, 161].

В результате странных и жутких обстоятельств, маленький человек, ещё не успевший адаптироваться к миру взрослых, ежедневно пропускает через себя всё больше и больше шокирующих его реалий. Такая вынужденная перемена оказывается связана не столько с потерей старшего авторитета в лице загадочной матери, сколько в абсолютном отсутствии выбора.

Однако далеко не всегда возрастные перекодировки случаются в атмосфере неблагополучия. Так, например, в повести Валерия Воскобойникова «Всё будет в порядке» [Воскобойников, 2017] семейная ситуация не идеальна, но отнюдь не критична, однако мать и сын будто изначально меняются телами. Основная линия произведения связана с историей дружбы двух мальчиков – Володи и Саши, но первая глава раскрывает читателю особенности семьи Володи, его восприятие мамы, главное в котором негодование.

Речь пятиклассника Володи по отношению к «молодой и несерьёзной» матери (так её характеризует сам ребёнок) звучит почти как ворчание дедули («Если милиция не разрешает, значит, так и надо», «Допрыгалась, добежалась по митингам и пикетам мамочка! Уже ведь платили штраф – мало!», «Серьёзной ведь женщиной могла бы стать, сын взрослый – пятиклассник, а она по митингам бегаёт, как девчонка» и многие другие [Воскобойников, 2017, с. 7, 9]. Самым близким другом мальчика становится не кто-то из сверстников, а одиннадцатиклассник Анатолий, который, по словам Володи, единственный, кто мог его «понять, посоветовать». Оказываясь в трудных ситуациях, он обращается за помощью к взрослому другу, а несерьёзную мать, погрязшую в юношеском максимализме и бесконечно увлечённую митингами, Володя искренне надеется поскорее выдать замуж. Мальчик воспитывается матерью без участия отца, при этом в семье происходит явная инверсия возрастных ролей. В. Н. Горенинцева, рассуждая в своей статье о подобных ситуациях, приходит к выводу о том, что нарушение иерархии семейных ролей может быть следствием «омоложения» образа матери в современной детской литературе [Горенинцева, 2017, с. 181]. Кроме того, исследователь отмечает влияние разрушения семьи на утрату большей части родительского авторитета. Вероятно,

маленький Володя осознаёт, что беспокойная мать нуждается в заботе больше, чем он сам.

Отметим, что перемена возрастных ролей находит своё отражение лишь в самом начале книги, при дальнейшем же чтении можно заметить, что подобное подчеркивание взрослости мальчика исчезает. Возникает чувство, что намеченное автором противопоставление ребенка и взрослого как будто не доведено до конца, что линия дружбы, заявленная в книге, оказалась для автора более продуктивной, нежели линия взаимоотношений ребенка и матери.

Рискнем предположить, что образ «постаревшего ребенка» нужен автору как способ выразить негодование взрослым, который больше сосредоточен на общественной жизни, нежели на отношениях с ребенком, на семье. Судя по деталям, события повести разворачиваются в 1990-е годы – время, когда инициативные взрослые (в данном случае, мама) расширяли спектр своих ролей: не только мама, не только медсестра, но и общественная активистка. Возникает вопрос: не отразилось ли в повести отношение писателя к самой эпохе, раскрепощавшей взрослого, и, как следствие, – делающей ребенка более ответственным?

Абсолютно контрастирует с ранее упомянутыми произведениями коллизия, которая представлена в повести Анны Никольской «Апокалипсис Антона Перчика» [Никольская, 2014]. Ее главный герой – человек, который, находясь на границе между детством и взрослостью, движется в сторону детства, а не наоборот. Если в первых двух произведениях возрастная перекодировка заставляет читателя сомневаться в «детскости» юных сердец, то в этом случае внимание читающего обращено к восемнадцатилетнему юноше из вполне благополучной семьи. Герой, которому необходимо своевременно повзрослеть, изо всех сил старается уцепиться за детство, избежать перехода в нелёгкую жизнь, что печально влияет и на него самого, и на всех его близких. Речь Антона Перчика несерьёзна; его поступки (запирается от брата в ванной, теряет брата в парке, выходки при устройстве на работу, агрессия и завышенные требования к родителям) потрясают; заикленность на мелких проблемах и побег от трудностей вызывают у адекватного читателя возмущение, даже некое отвращение, испуг.

Однако жизнь юноши переворачивается, когда семья тайно погружает инфантильного эгоиста в атмосферу ужасающего эксперимента. Подросток оказывается в ситуации, максимально приближенной к той, что описана в Апокалипсисе, его столкнули лицом к лицу со страхом, бедностью и смертью; Антон Перчик, чтобы выжить, вынужден принимать взрослые решения, спасая свою собственную жизнь и жизни оказавшихся рядом чужих людей. Не без трудностей, но вполне достойно пройдя все жуткие испытания, выдержав проверку на прочность в каждой ситуации нравственного выбора, юноша невольно переосмыслил очень многое, осознал и прочувствовал истинные ценности жизни, но испытал при этом колоссальный стресс. Сильнейшее потрясение вызывает у Антона эмоциональное истощение, поэтому, узнав, что страшный апокалипсис – это лишь невольная проба в новое реалисти-шоу «Выбор», молодой человек испытывает равнодушие, а не ненависть; не злость, а благодарность и признание близким за то, что из антигероя Перчику удалось перевоплотиться в человека.

Удивляя читателя, повесть вызывает шлейф вопросов: можем ли мы осуждать родителей Антона, решившихся на создание нечеловеческих условий для сына? Вправе ли один человек ставить эксперимент над другим без согласия этого другого? Можно ли было Антону пройти обряд инициации без столь сильной эмоциональной встряски? Мог ли финал книги не быть столь мягким? Что было бы, если реакция Антона оказалась абсолютно иной? Если бы вчерашний инфантил лишь сильнее ожесточился на себя и мир вокруг? В чем же заключается пафос автора? Не в том ли, что современному молодому человеку нужны серьезные задачи? Можно ли воспитывать или перевоспитывать ребенка, когда ему уже 18?

Итак, возрастные перевертыши в современной детской отечественной прозе – явление постоянное. Функции подобных перекодировок – разные. Это и фиксация социального неблагополучия, как у Сабитовой, и способ остро поставить проблему взаимоотношений отцов и детей, как у Никольской, или создать эскиз эпохи, предлагающей взрослому новый спектр жизненных ролей, как у Воскобойникова.

Детская литература по природе своей не может быть безысходной, потому почти всегда углы острой проблемы сглаживаются, на помощь детям всё-таки приходят старшие, финал оказывается добрым и светлым, однако след, оставленный в детской душе полностью не стирается. Безусловно, роль таких произведений и для детей, и для взрослых велика: они позволяют ребенку опосредованно пройти обряд инициации (перехода в состояние взрослости), а для взрослых – акцентировать определенную антинорму, мотивировать к внимательному и осознанному отношению к детству. Переживая вместе с героями сложнейшие жизненные ситуации, прослеживая возможности их разрешения, юный и взрослый читатели извлекают для себя уроки, по-новому смотрят на простые и важные вещи.

Литература

Воскобойников В. М. Всё будет в порядке. – М.: Время, 2017. – 112 с.

Горенинцева В. Н. Новая модель «значимого взрослого» во внутрисемейных отношениях / В. Н. Горенинцева, А. Н. Губайдуллина // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2017. – № 50. – С. 176-189.

Никольская А. О. Апокалипсис Антона Перчика. – М.: Время, 2014. – 144 с.

Сабитова Д. Где нет зимы. – М.: Самокат, 2011. – 176 с.

Чарская-Бойко В. Переосмысление возрастных ролей в современной детской литературе // Читатель в поиске / под ред. Е. А. Асоновой, Е. С. Романичевой. – М.: Библиомир, 2018. – С. 113-122.